

М. Н. Белова (Москва)

**ГРАММАТИКА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА
И. БОГОРОВА: ФОРМИРОВАНИЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ***

В 1844 г. в Бухаресте выходит в свет книга, озаглавленная «Первая болгарская грамматика» (*Първичка българска граматика*), автора-болгарина, подписавшегося Иванчо Андреов¹. Эта грамматика являет собой важный этап как в формировании новоболгарского (литературного) языка, созданного на народно-разговорной основе, так и для грамматического учения о родном языке в болгарских землях. Традиция сохранила имя автора первой грамматики, представителя так называемой «новоболгарской школы»²,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00471.

¹ В 2019 г. исполнилось 175 лет с момента издания данной грамматики, однако она продолжает вызывать интерес исследователей и становится объектом научных студий. Последняя известная нам публикация, посвященная рассматриваемому тексту, была опубликована в 2014 г. к 170-й годовщине издания грамматики и принадлежит болгарскому лингвисту Б. Велчеву. Автор исследования также подчеркивает, что труд Богорова представляет собой первую грамматику, действительно отражающую основу болгарского языка (Вълчев 2014).

² Определение «новоболгарская школа», наряду с терминами «церковнославянская школа» и «славяноболгарская школа», традиционно

ученого, писателя, переводчика, журналиста, борца за чистоту родного языка и в целом видного деятеля Болгарского национального возрождения как Иван Богоров (1821–1892). И. Богорову принадлежат два собственно грамматических труда. Позднее, в 1848 г., автор издает уже в Стамбуле другое грамматическое описание, озаглавленное «Первая болгарская грамматика» (*Първичка българска словница*) (Богоров 1848). При создании второй грамматики Богоров в значительно большей степени предается пуристическим идеям и всерьез увлекается словотворчеством (Жерев и др. 1989: 76–77; Стойков 1979: 137–145). И именно его первая грамматика оказала наиболее значительное влияние на дальнейшую судьбу нормализованного, нового литературного болгарского языка, поскольку явила собой первую попытку последовательного описания болгарского языка, полностью построенного на народной основе, и заложила традицию подобных описаний³. Необходимость и целесообразность создания грамматических описаний, построенных на народной языковой основе, а не на основе церковнославянского языка⁴, обусловлены формированием в 30-е гг. XIX в. светского образования на болгарских землях. В 1835 г. благодаря усилиям В. Априлова открыто первое светское учебное заведение — Габровское училище⁵. Далее в течение нескольких лет открываются

используется при описании формирования болгарского литературного языка в период 2-й четверти XIX в., ср., например, (Русинов 1999: 102–127).

³ Л. Андрейчин, оценивая значение грамматики И. Богорова для формирования болгарского литературного языка, указывает на то, что Богоров не только продолжает новоболгарскую линию в формировании болгарского литературного языка, начатую П. Бероном в его «Рыбном букваре» 1824 г., но и доводит до «наиболее чистого вида» его новоболгарскую основу (Андрейчин 1968: 519–520).

⁴ К моменту издания обсуждаемой грамматики вышли в свет три грамматических труда: Н. Рильского, Н. Бозвели и Хр. Павловича, однако все они созданы в церковнославянской традиции, далекой от живого болгарского языка того времени (Русинов 1999: 107).

⁵ Болгарское слово *училище* точнее было бы переводить на русский язык как «школа».

светские школы в Свиштове, Сливене, Казанлыке, Карлове, Копривщице, Елене, Котеле, Сопоте, Велико Тырнове, Трявне и др., а к середине века их становится более двухсот (Русинов 1999: 103). В связи с этим вопрос о языке, на котором следует вести обучение, а также о необходимой для обучения литературы (учебных пособий и грамматических описаний) встает в этот период особенно остро. И. Богоров, уроженец города Карлово⁶, принадлежал поколению болгар, которым стало доступно среднее и высшее образование за границей, обучался в Ришельевском лицее в Одессе⁷, после чего изучал химию в Лейпциге и медицину в Париже. В 1844 г.

⁶ Город Карлово относится к тому региону, о котором Р. Русенов пишет: «Во второй четверти XIX века села балканской области и Средногогорья, а также некоторые села Дунайской равнины развиваются быстрее в экономическом отношении, что приводит к ускорению их развития в просветительском и культурном отношении. В указанных географических областях открывается наибольшее число школ, что связано с увеличением числа просвещенных торговцев и ремесленников и с формированием интеллигенции, хотя и немногочисленной. Неслучайно из этих сел происходит наибольшее число людей, способствующих развитию книжного дела в период Болгарского национального возрождения. Кроме того, из этого региона происходит наибольшее число книжников (102 автора книг из 211 из Восточной Болгарии и 263 со всей страны)» (*През втората четвърт на XIX в. селищата от балканската област и Средногорието, както и някои селища из Дунавската равнина, се развиват по-бързо в икономическо отношение, а това довежда до ускоряване на развитието им в просветно и културно отношение. В посочените географски области се откриват най-много училища, което пък е свързано с увеличаване броя на просветените търговци и занаятчии и с формиране на интеллигенция, макар и малобройна. Не случайно от тези селища има най-много спомоществователи на книги през Възраждането. Освен това от района на централните балкански говори произхождат най-много книжовници (102 автори на книги от общо 211 автори за източна България и 263 за цялата страна)*) (Русинов 1999: 125).

⁷ Это учебное заведение выпустило целую плеяду болгарских интеллигентов того времени. Кроме Богорова следует упомянуть Найдена Герова, создателя лексикографической традиции в Болгарии, Добри Чинтулова, болгарского поэта и педагога.

Богоров преподает в городе Стара Загора, именно тогда он и пишет свою первую грамматику. Кроме этого, определенное время он ведет просветительскую деятельность в различных болгарских городах (Свиштове, Велико Тырнове, Габрове и др.), пытаясь распространять обучение на болгарском (а не на греческом) языке⁸. Таким образом, и просветительская деятельность самого Богорова, и его грамматика, применяемая в школах на болгарских землях, оказали значительное влияние на формирование грамматической традиции и системы образования на новоболгарском языке. В связи с этим кажется важным рассмотреть данный не очень объемный труд, включающий в себя 130 страниц основного текста, не считая приложения с «почетными именами помощников» (занимающего еще 18 страниц) как с точки зрения формирования традиции описания тех или иных грамматических и синтаксических явлений, а также орфографии, так и с точки зрения становления лингвистической терминологии на новоболгарском языке.

В этой статье мы рассмотрим основную лингвистическую терминологию, применяемую и во многом созданную И. Богоровым. Описание данной терминологии как этапа в формировании собственно новоболгарской лингвистической традиции невозможно без рассмотрения представлений автора грамматики о явлениях и категориях описываемого языка. Далее в статье предлагается обзор графической системы, применяемой в грамматике И. Богорова, поскольку вопросы графики и орфографии являются дискуссионными в период становления литературной нормы, в печатных книгах рассматриваемого периода вплоть до конца XIX в. замечается значительный разноречивый. И наконец, последняя часть статьи представляет собой рассмотрение некоторых морфологических норм болгарского языка в грамматике И. Богорова. И хотя может показаться, что данные вопросы выходят за пределы означенной в заглавии темы, нам представляется, что они имеют непосредственное отношение к формированию грамматической традиции болгарского языка, поскольку именно в грамматиках XIX и отчасти начала XX в. постепенно формулируются и описываются

⁸ О жизни и деятельности И. Богорова см. (Энциклопедия България 1978; Вълчев 2008).

морфологические нормы, свойственные живому болгарскому языку, на основе которого в конечном итоге создается болгарский литературный язык, многие из которых не представлены ни в церковнославянском, ни в русском, ни даже в близкородственном сербском языке: с их описаниями были знакомы болгарские книжники и просветители.

1. О лингвистической терминологии в грамматике И. Богорова

Грамматика И. А. Богорова создается в начальный период формирования представлений об описании формирующегося новоболгарского литературного языка, в тот период, когда лишь должна быть создана основная терминология, удобная для описания языковых явлений и грамматических форм нового литературного языка. В связи с этим открывает грамматику раздел, озаглавленный «Введение» (*Вжвѣденіе*), в котором вводятся и описываются самые основные понятия и термины. Данная терминология во многом отлична от той, которая складывается в болгарской лингвистической традиции в дальнейшем, а потому представляет интерес для исследователя. При анализе грамматики Богорова можно заметить значительное влияние в области терминологии, да и в целом в способах описания языковых явлений «Русской грамматики» академика А. Х. Востокова⁹, первое издание которой

⁹ Сопоставление с грамматикой А. Х. Востокова, как представляется, целесообразно, учитывая личную судьбу Богорова, в частности тот факт, что, обучаясь на территории Российской империи в г. Одессе с 1840 по 1843 г., Богоров впервые сталкивается с грамматическими описаниями литературного языка, построенного на разговорной основе. Вероятно, именно это могло повлиять на формирование грамматических взглядов автора и на его лингвистическую терминологию. Примечательно в этом отношении свидетельство Н. П. Карелкина в статье 1855 г. издания «Востоков. Его ученая и научная деятельность»: «Русская грамматика служит до настоящего времени руководством во всех русских низших и средних учебных заведениях» (Карелкин 1855: 62). Подробнее о языковедческих исследованиях А. Х. Востокова на фоне зарождающегося научного языкознания см. (Белов 2011).

появилось в 1831 г. в Санкт-Петербурге и с содержанием которой И. Богоров, человек образованный и связанный с русской культурной традицией, был несомненно знаком. Ряд терминов, представленных у Богорова, используются в традиции описания языковых явлений болгарского языка по сей день. Таковыми можно считать термины *дума* 'слово', *сричка* 'слог'. Значение термина *дума* автором описывается через термин *сричка*: «...один или несколько слогов, которые имеют значение, законченный смысл (*свжршенъ разумъ*)» (Богоров 1844: 5). У Богорова также используются термины *едносрични* 'односложные' и *многосрични* 'многосложные' по отношению к словам. Для описания просодической организации слова Богоров использует термин *удрание* 'ударение' и утверждает его силовой характер («один слог произносится более громким голосом, чем другие» (Там же: 5)¹⁰. Именно вследствие таким образом описанного характера ударения Богоров использует термины *высока* 'громкая' и *низка* 'тихая' для ударных и безударных слогов. Интересно, что сам термин «высокий» (*высокъ*) Богоров, вероятно, заимствует, ср. у Востокова «повышение голоса» на ударном слоге (Востоков 1831: 3), но болгарский грамматист идет дальше, вводя противопоставление громких и тихих слогов.

Весьма отлична от современной терминология Богорова, касающаяся более дробных единиц речи, а именно букв и звуков: для обозначения буквы автор применяет термин *слово* «те значки, которыми мы пишем» (*онѣа бѣлѣжки, които пишемъ*) (Богоров 1844: 3), а то, что «мы передаем» (*изъававамы*) буквами, звуки речи, Богоров именует термином *гласове* (Там же). Далее, как это обычно происходит в ранних грамматических описаниях (в том числе в грамматике Востокова), восходящих в конечном счете к античной традиции, именно буквы (*слова*) подразделяются автором на три категории: *гласные*, *безгласные* и *полугласные* («половингласные»). Первые два термина соответствуют современному противопоставлению гласных и согласных звуков, последний же термин применительно к фонетической системе болгарского народно-го языка представляется абсолютно неприменимым и, вероятнее

¹⁰ *една сричка са изговара съ по высокъ гласъ, колкото другитъ.*

всего, происходит из традиции описания русского языка (именно такой термин с тем же охватом букв-звуков мы наблюдаем у Востокова), поскольку данным термином Богоров обозначает три абсолютно разнородных для болгарской фонетической системы «слова»: *ѣ*, *ь* и *й*. Первый знак (*ѣ*) в современной болгарской орфографии используется применительно к гласному среднего ряда среднего подъема, представленного в значительной части болгарских говоров, в том числе в восточно-болгарском говоре г. Карлово, родом из которого был сам автор грамматики. Однако у Богорова для передачи этого звука используется графический знак *ж*, а буквы *ѣ* и *ь* являются лишь показателями конца слова. С этим и связано выделение двух символов в отдельную группу и объединение их с действительно «полугласным» *й*.

Почти все названия частей речи также звучат вполне современно: *име съществително*, *име прилагателно*, *местоима*, *глаголь*, *наречіе*, *предлогъ*, при классификации же слов Богоров применяет используемые по сей день в традиционных описаниях термины: «...слова могут быть *первообразные*, *производные* и *сложные*»¹¹ (Богоров 1844: 5). Два последних термина по своему наполнению совпадают с соответствующими современными терминами, но с точки зрения лингвистической традиции противопоставление первообразных и производных слов продолжает русскую грамматическую традицию того времени, а последний термин добавлен в ту же классификацию Богоровым для противопоставления однокорневых и двукорневых производных слов, что нельзя считать удачным лингвистическим решением, поскольку сложные слова представляют собой лишь частный случай производных. Имена существительные автор грамматики подразделяет на *одушевленные*, *неодушевленные* и *умственные* (т. е. абстрактные)¹². Данная классификация применительно к болгарскому литературному языку, практически утратившему к моменту создания грамматики именное склонение, может иметь лишь семантический характер одушевленными называются имена

¹¹ В болг. тексте *първообразни, производни, сложни*.

¹² *одушевени, неодушевени, умствени*.

людей и животных, которые «имеют жизнь и способность менять свое место»¹³, неодушевленными же — имена предметов, которые «не имеют жизни и способности самостоятельно менять свое место»¹⁴, умственными — имена понятий, которые «мы не можем увидеть, а лишь изображаем их в своем уме»¹⁵ (Богоров 1844: 7–8). Данная классификация, как представляется, есть упрощение классификации Востокова, который противопоставляет предметы «видимые» предметам «в уме представляемым», в рамках первых он выделяет «одушевленные» и «неодушевленные», а в рамках вторых — «духовные» и «отвлеченные» (Востоков 1831: 10–11). Столь же эклектична дальнейшая классификация имен существительных, вероятно, также опирающаяся на грамматику Востокова, хотя по сравнению с последней — более упрощенная и не вполне удачно дополненная. Согласно ей все имена существительные подразделяются на 1) *сжици* ‘собственные’, 2) *нарицателни* ‘нарицательные’, 3) *сжбирателни* ‘собирательные’ и 4) *умалителни и увеличителни* ‘уменьшительные и увеличительные’. С точки зрения современной грамматической традиции первые два члена оппозиции противопоставляются на совсем ином уровне, нежели два последних, именно такую систему мы видим и в грамматике Востокова, где, например, собирательные существительные описываются как частный случай нарицательных, а уменьшительные и увеличительные суть члены абсолютно иной оппозиции и противопоставленные друг другу, а не объединенные в один класс. Интересна, однако, попытка И. Богорова, не сохраненная дальнейшей грамматической традицией, ввести свой болгарский термин *сжици*, т. е. ‘истинные, присущие’ для собственных имен существительных.

Весьма интересным термином описывает Богоров основное значение имени прилагательного, которое обозначает свойство, качество вещей (*каквинжтж на нъицата*) (Богоров 1844: 31).

¹³ *които иматъ животъ и леснинж да промънватъ мьството си.*

¹⁴ *които нъматъ животъ и леснинж да промънватъ отъ самосебе си мьството си.*

¹⁵ *които мы не можемъ да видимъ, нж само гиизображававъ въ умжтъ си.*

Этот термин, созданный самим Богоровым, не сохранен болгарской грамматической традицией. Семантическая классификация имен прилагательных также весьма эклектична, но представляет большой интерес, поскольку в ней проявляется значительная самостоятельность Богорова как грамматиста. Все прилагательные он подразделяет на *качественные* (собственно, они и указывают на свойство вещей), *временные* (показывают «не собственное свойство, а случайное, внешнее, временное»¹⁶, например *вчерашень хлѣбъ, сутрешень залкъ*), *родовые* («которые показывают происхождение чего-либо не только от чего-то одного, а от целого рода вещей, которые подобны ему»¹⁷, например *волскый ревь, козый рогъ*), *личные* («которые указывают на происхождение чего-то только от одного известного лица»¹⁸, например *Ньголовъ пржстень, женинь братъ, бащинъ дворъ, Драганчинъ сынъ*) и *уменьшительные* (ласкательные признаки и призначки, проявляемые в меньшей, чем другие степени¹⁹, например *болничжкъ, хубавичжкъ, бѣличжкъ, бѣличка, бѣличко*) (Богоров 1844: 32–33). В данной классификации, несмотря на использование несколько иной терминологии, можно увидеть деление прилагательных на качественные, относительные (временные) и притяжательные (поделенные Богоровым на две группы в зависимости от принадлежности одному лицу или целому роду на личные и родовые). Последняя же группа, вероятно, свидетельствует о широком распространении данной словообразовательной модели среди прилагательных в болгарском языке второй четверти XIX в., а также представляет собой попытку передать специфику болгарского имени прилагательного, хотя и в этом Богоров следует за Востоковым, упрощая и заимствуя лишь один член противопоставления всех качеств с точки зрения

¹⁶ *временни, които не показватъ сжижтж каквинж на нѣщото, а нѣкожъ, каквж да е нѣговж случкж, вжнкашинж, временнж.*

¹⁷ *родовни, които показватъ произлазваніето на нѣщото, не токо отъ едно само нѣщо, а отъ цѣльий родъ на нѣщата, дѣто сж като него.*

¹⁸ *лични, които показватъ произлазваніето на нѣщото токо отъ едно знайню лице.*

¹⁹ *умалителни, които изавватъ галень, и нѣщичко по малко отъ каквото сж.*

силы их проявлений, описанного в «Русской грамматике» (Востоков 1831: 55). Оригинальные болгарские (хоть и калькированные) термины предлагает Богоров для степеней сравнения прилагательных: *стѣпнове на сравненіа (положителенъ, сравнителенъ, надминителенъ)* 'степени сравнения (положительная, сравнительная, превосходная)'. Отдельный раздел грамматики Богорова, дополненный комментарием, что это «прибавка к первой и третьей главе» (*прибавка на пѣрвата и третѣта глава*), т. е. соответственно к главам, посвященным имени существительному и имени прилагательному, описывает так называемое *бройното име*, т. е. 'имя числительное'. Этот термин также был вытеснен в дальнейшей грамматической традиции русским термином *числительно* 'числительное' и закрепился лишь для обозначения разряда порядковых числительных (*числителни бройни* 'порядковые числительные').

Для описания системы местоимений, в том числе для обозначения разрядов местоимений, Богоров применяет (за редким исключением) термины, свойственные и современной грамматической традиции: *лични* 'личные' (*первого, второго и третьего лица*), *вжзвратно* 'возвратные', *притежателни* 'притяжательные', *указателни* 'указательные', *относителни* 'относительные', *пытни* 'вопросительные', *опредѣлителни* 'определятельные', *неопредѣлени* 'неопределенные'. По типу словоизменения автор подразделяет местоимения на *сщцствителни* 'существительные' и *прилагателни* 'прилагательные'.

Глагол как часть речи определяется в грамматике Богорова как слово, которое показывает «действие или состояние предмета или лица»²⁰ (Богоров 1844: 55). Как и в самом описании семантики глагола, так и в классификации глаголов видно несомненное влияние грамматики Востокова, однако и тут наблюдается некоторое упрощение и смешение, подобно тому, как это происходит при описании иных частей речи. Все глаголы разделены у Богорова на «*действительные, страдательные, средние и возвратные*»²¹, при этом автор грамматики вводит термин *залог* далее при описании

²⁰ *работанье или сщцнинж на нѣщцото.*

²¹ *действителни, страдателни, средни и вжзвратни.*

грамматических категорий глагола и повторяет два из ранее перечисленных термина (*действителъный* и *страдателъный*). Интересно орфографическое явление, которое хотя и не описывается, но демонстрируется примерами: возвратная частица у возвратных глаголов последовательно написана отдельно: *бож са* 'боюсь', *срамувамъ са* 'стесняюсь', а у страдателъных глаголов слитно: *хранѣжа* 'питаюсь', *бѣжса* 'бью себя'. Это различие, однако, не может быть принято за норму орфографии, поскольку в самом тексте Богорова последовательно отражается перемещение возвратной частицы-клитики в препозицию и ее отдельное написание, ср. «число и падеж согласуются...» (*брой и падежъ са сгласуватъ...*), «которые находятся» (*колато са намиратъ*), «словами (т. е. буквами. — М. Б.) называются такие значки, которыми мы пишем» (*слова са выкатъ онѣ бѣлѣжки, които пишемъ*). Почти все прочие термины, описывающие глагольные категории и глагольное словоизменение, совпадая с соответствующими русскими терминами, закрепляются в дальнейшей болгарской грамматической традиции. Таковыми являются термины *лице*, *наклонение*, *време*, *спръжение* 'лицо, наклонение, время, спряжение'. Пожалуй, редким исключением является термин *брой* 'число', используемый для описания и других частей речи, в дальнейшем он был заменен русским термином *число*.

Система глагольных времен в грамматике включает пять вариантов (Богоров 1844: 55–56): *сегашно* 'настоящее' («указывает на действие в тот момент, когда мы говорим, *пишѣжъ*»²²), *заминѣло* 'имперфект' («показывает, что действие началось и не закончилось, *пишѣхъ*»²³), *преминѣло* 'перфект' («которое показывает, что действие до конца завершилось, *писалъ сѣжмъ*»²⁴), *неотредено* 'аорист' («которое показывает, что действие завершилось, но не указывает, в какой момент, *писахъ, четохъ*»²⁵), *бѣдно* 'будущее' («которое указывает, что действия не было, а будет, но не указывает, в какой

²² *показва работанѣето на сѣщѣй часъ, кога говоримъ.*

²³ *показва, какво са е закачила работата и не са е свѣршила.*

²⁴ *което показва какво работата са е до сушѣ свѣршила.*

²⁵ *което показва, какво работата са е свѣршила, нѣ не отрежда кой часъ.*

момент, *щж пишж, щж четж*»²⁶). Таким образом, большая часть форм, связанных с временной отнесенностью, а также с характером протекания действий, так называемых времен болгарского глагола, Богоров выделяет и семантически разграничивает, хотя и не всегда вполне корректно, пять противопоставленных форм. Не вполне корректным кажется замечание Богорова о том, что аорист не указывает на момент совершения действия, хотя такое утверждение можно объяснить тем, что автор описывает именно предложенную в качестве примера форму, т. е. аорист глагола несовершенного вида. Сомнение, однако, вызывает внутренняя форма самого богоровского термина для аориста — *неотредено* ‘неопределенное’. В современной школьной традиции термином *минало неопределено* ‘прошедшее неопределенное’ обозначается не аорист, а перфект, что, несомненно, больше подходит его семантике²⁷. И хотя, разумеется, Богоров учитывает далеко не все глагольные формы, сама попытка описания сложной системы новоболгарского глагола представляет собой важный этап в новоболгарской грамматической традиции.

Таким образом, как система наименования основных знаменательных частей речи (а также название *предлога*), так и их семантических и грамматических категорий в грамматике Богорова, как представляется, созданы под влиянием «Русской грамматики» А. Х. Востокова. Однако для некоторых терминов И. Богоров все же предлагает иные, собственно болгарские термины. Интереснее обстоит дело со вспомогательными частями речи: *свржзка* ‘союз’, *средоръчь* ‘междометие’, а также с частью речи, которую выделяет Богоров, не опираясь при этом на русскую грамматическую традицию в силу отличий болгарской (аналитической) грамматической системы от русской (синтетической): *прилогъ* ‘артиклъ’. Примечательно само выделение такого класса, части речи. «Когда мы говорим и хотим определить значение (у Богорова *разумжтъ*), приставляем рядом с именами одну частицу, например: *гжлжбжтъ*,

²⁶ *което показва, какво работата не е была и ще бѣде, нж не отрѣжда и то часжтъ.*

²⁷ Такое употребление термина у Богорова в конечном счете восходит к греческой грамматической традиции, где *ἀοριστός* ‘неопределенный’.

рыбата, детето. Это *тъ, та, то* называются *прилогъ* 'приложение'. Заслуживает также внимания сама внутренняя форма слова *прилогъ*, отличная от таковой в греч. ἄρθρον и лат. *articulus* (букв. 'член'), ср. термин, закрепившийся в дальнейшей болгарской лингвистической традиции (*определителен член*).

Связка также характеризуется как «частица речи». На этом этапе грамматического описания пока нет представлений об иных частицах или о частице как об отдельной части речи.

Синтаксису в грамматике И. Богорова посвящено всего шесть страниц (Богоров 1844: 95–100), составляющих вторую часть (*страна втора*), озаглавленную термином *управа* — так «называется в грамматике порядок, по которому мы выстраиваем слова, чтобы совершенно выразить свою мысль, когда мы говорим или пишем»²⁸. Для обозначения же основной единицы синтаксиса Богоров использует русский термин *предложение*, который в дальнейшей болгарской синтаксической традиции был вытеснен термином *изречение*. Далее, анализируя состав предложения, автор вводит понятия *подлежаще, сказуемо и свржзване*. Подлежащее — это «то, о чем говорится в предложении»²⁹: *орелъ, Адамъ, злато*», сказуемое — это «качество, которое приписывается подлежащему или отрицается»³⁰: *птица, чловѣкъ, злато*», связка — это «слово, которым передается связь между подлежащим и сказуемым: *е, былъ, не е*»³¹ (Там же: 95–96). Далее при помощи терминов «простые и сложные подлежащие и сказуемые»³² Богоров фактически описывает простые одиночные и однородные подлежащие, а также составные именные и однородные составные именные сказуемые.

²⁸ *управа са нарича въ граматикѣтъ редѣтъ, на когото гуждамы думѣтъ, за да изъавямы свѣршено разумѣтъ си, кога говоримъ или пишемъ.*

²⁹ *подлежащето е нѣщото, за което са говори въ предложението.*

³⁰ *сказуемо е каквината, коато са придава на подлежащето, или са отнима отъ него.*

³¹ *свржзване е думата, с коѣто са извѣстѣва свржзванието между подлежащето и сказуемото.*

³² *прости и сложни.*

Примечательно, что Богоров, рассуждая о сказуемом, вообще имеет в виду только характеристику подлежащего другим именем, присоединяемым глаголом-связкой, хотя в следующем разделе, разумеется, приводит массу примеров с глагольными сказуемыми. Второй синтаксический раздел озаглавлен «Управление слов» (*Управленіе на думите*) и посвящен значению и использованию (функциям) пяти падежей: именительного, звательного, винительного, дательного, родительного (о падежах в грамматике Богорова речь пойдет ниже). Все названия падежей и описание их функций заимствуются из описаний русской и церковнославянской падежной системы³³. Важно здесь отметить описание функций именительного падежа, необходимого для передачи подлежащего и сказуемого³⁴. Данная особенность в дальнейшем повлечет за собой разграничение в норме болгарского литературного языка двух синтаксически обусловленных вариантов артикля мужского рода: в позиции подлежащего, сказуемого определения (иначе, части составного именного сказуемого) и приложения в современном болгарском литературном языке используется полная членная форма (-*ът/-ят*), а в остальных случаях — краткая (-*а/-я*) (Грамматика на съвременния български книжовен език 1983: 120–121).

И наконец, последняя описательная часть грамматики Богорова, посвященная правописанию и синтаксису, состоит из трех глав: «*Равнописаніе*» (т. е. собственно правописание), «*За раздѣленіето на сричкитѣ*» (о правилах переноса, букв. о разделении слогов) и «*За бѣлжкитѣ на почиваніето*» (о знаках препинания, или буквально о «знаках передышки, отдыха»). В последней главе приводятся названия различных знаков препинания, при этом, что интересно, ни один из терминов, предлагаемых Богоровым,

³³ Живой болгарский язык середины XIX в. не содержал столь разветвленной системы падежных форм. В нем либо вовсе отсутствовали падежные формы, либо сохранялись лишь некоторые остатки падежных форм, в той или иной степени представленные в разных говорах.

³⁴ Ср. «*Въ именителенъ падежъ са гужда: 1) Подлежащето, или главното нѣщо въ предложеніето. 2) Сказуемото, кога е заедно съ подлежащето съ глаголъ сжмъ и бывамъ, и кога показва названіе и севгашиж своицишнж на нѣщото*» (Богоров 1844: 97).

не используется в современных болгарских описаниях пунктуации. Вот эти термины: *кривичка* (совр. болг. *запетая*), *капка с кривичкж* (совр. болг. *точка и запетая*), *две капки* (совр. болг. *двоеточие*), *капка* (совр. болг. *точка*), *пытна бължежка* (совр. болг. *въпросителна*), *чудовна бължежка* (совр. болг. *удивителна*), *пржчица* (совр. болг. *дефис*, букв. палочка), *преградки* (совр. болг. *скоби*). Богоровскую традицию можно усмотреть лишь в способе наименования вопросительного и восклицательного знаков, которые в современном болгарском языке имеют форму субстантивированных прилагательных женского рода, что, вероятно, свидетельствует об их прежнем согласовании со словом женского рода *бължежка* 'знак'.

Итак, описание лингвистической терминологии, использованной в грамматике И. Богорова, позволяет сделать некоторые выводы, во-первых, о значительном влиянии русской грамматической традиции (в частности, вышедшей незадолго до этого «Русской грамматики» А. Х. Востокова), что проявилось не только и не столько в самом использовании того или иного термина, сколько в структуре описания различных частей речи. Как видно из многих упомянутых ранее примеров, зачастую грамматические представления Востокова применены Богоровым к болгарскому языку в весьма упрощенном виде, причиной чего, как представляется, могло быть стремление болгарского грамматиста, опиравшегося пока еще на очень незначительную традицию описания новоболгарского языка, написать более простую, чем востоковская, легко применимую для развивающегося в тот период на территории Болгарии преподавания новоболгарского языка, формирующегося на народно-разговорной основе.

Весьма многочисленны примеры терминов, которые не повторяют соответствующие русские термины, однако калькируют их, представляя собой перевод термина при помощи корня или слова, представленного в народно-разговорном болгарском языке. Вероятно, часть из этих терминов была создана самим Иваном Богоровым, который в болгарской истории признается одним из наиболее ярких пуристов и автором множества слов, лишь незначительная часть которых укрепились в болгарском литературном языке и сохраняется по сей день. Из терминологических изобретений Богорова, например, сохраняются по сей день

в качестве общепринятых терминов названия *минало* 'прошедшее' и *сегашино време* 'настоящее время'. Другие изобретения Богорова, такие как *какжвина* 'свойство' или *пржчица* 'тире' и многие другие, подобно множеству слов, авторство которых приписывается Богорову, остаются в истории грамматической науки как смелая, но несостоявшаяся попытка создания альтернативной (нерусской и неевропейской, а собственно болгарской) лингвистической терминологии.

2. Графическая система грамматики И. Богорова

Деятельность И. Богорова связана с таким важным в истории формирования болгарского литературного языка на народной основе явлением, как «побългаряване» (букв. оболгаривание) русских и церковнославянских слов, а также тех исконно болгарских (в том числе общеславянских) слов, для которых к этому периоду сложилась традиция написания, не совпадающая с широко распространенным на болгарской территории произношением. Речь, в частности, идет о передаче гласных на месте праславянских редуцированных. Считается, что И. Богоров развивает орфографическую традицию, начатую П. Бероном в его «Рыбном букваре» 1824 г., однако Богоров идет еще дальше, проявляя высокое филологическое чутье при «оболгаривании» церковнославянских слов.

Состав графических знаков, применяемых в грамматике, автор описывает в своем введении. Он называет 34 графемы: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, њ, ѣ, ю, ѿ, ж, ѡж. Некоторые правила разграничения на письме букв вводятся в разделе о правописании, в частности строго формулируется выбор одного из двух знаков *и* и *і*, продиктованный позицией в слове (между двумя согласными, перед йотированными гласными), реже значением корня (*миръ* 'тихий, мирный' и *міръ* 'мир, свет'). Написание буквы *ы* строго регламентируется формальными критериями — в окончаниях полных прилагательных и в формах винительного падежа, в глагольных окончаниях 1-го лица мн. ч. и др. Однако в самом тексте нередко встречается написание этой буквы и в ряде корней, ср. *пытам* (совр. *питам*) 'спрашивать', *подырь* (совр. *подир*) 'вслед за'. Написание буквы *ъ* также довольно

строго определено и зависит от грамматической формы (например, в глагольных суффиксах или на конце наречия, в артикле мн. числа), кроме того, Богоров приводит целый список слов, в которых должна писаться эта буква. Произношение гласного — широкое, что ожидаемо для носителя восточного болгарского говора. Автор также дает разъяснение в сноске, касающееся чередования (то узкого, то широкого произношения гласного), передаваемого в его орфографии знаком *ъ*. Знак *ж* Богоров сохраняет как грамматический маркер (для форм винительного падежа существительных ж. р. на *-а*, для артикля м. р. *-жтъ*), а также для обозначения вставного гласного в сочетании шумный + сонорный, ср. его примеры *вѣтърѣ*, *добѣрѣ* и др., а также в корневых сочетаниях на месте слоговых плавных, ср. *дѣлѣ* или *длѣѣ* (оба написания принимаются как верные), *пѣрвообрази*. В тексте грамматики эта же буква встречается и в корневых морфемах (ср. *сѣщо*, *кѣща*), и в приставках (ср. *сѣбирателно*). В данном своем сочинении И. Богоров еще не проводит до конца тенденцию «оболгаривания» в отношении гласного *ѣ*. В отношении использования *з/с* на конце приставки Богоров также придерживается русско-церковнославянской традиции, отражающей оглушение согласного перед глухим корневым согласным. Данное правило было отвергнуто дальнейшей орфографической традицией.

3. Морфологические нормы болгарского языка в грамматике И. Богорова

Весь приведенный материал, касающийся лингвистической терминологии и графико-орфографических особенностей книги И. Богорова, представляет значительный интерес для исследователей становления грамматической традиции новоболгарского литературного языка³⁵. Но не меньший, если не больший, интерес представляет описание словоизменения различных частей речи новоболгарского языка, поскольку именно по этому признаку

³⁵ Важные мысли о разграничении терминов «современный болгарский литературный язык» и «новоболгарский литературный язык» см. в (Венедиктов 1990; 1992).

болгарский язык второй трети XIX в. принципиально отличается от языка церковнославянского³⁶, традиции которого были долгое время живы и именно благодаря их преодолению и развивалась так называемая «новоболгарская школа» в период формирования и становления литературного языка на основе народных говоров. Столь же значительно морфологическая система болгарского языка отличалась к этому моменту и от морфологической системы русского языка, на описание которого, несомненно, приходилось опираться первым болгарским грамматистам. Рассмотрим последовательно описание всех знаменательных частей речи, которым свойственно словоизменение.

И. Богоров приписывает существительному три основные грамматические категории: род, число (*брой*) и падеж. Относительно рода и числа сомнений не возникает, а вот в отношении падежной системы болгарского языка появляется вопрос: насколько грамматическое описание пятипадежной системы для болгарского имени существительного находит реальное отражение в тексте Богорова, да и в предложенной им парадигме склонения существительных. Проанализировав парадигмы склонения различных типов существительных на с. 14–29, мы можем сделать следующие заключения о падежной системе болгарского существительного, предлагаемого И. Богоровым в качестве литературной нормы:

1) для абсолютного большинства приведенных в грамматике имен существительных фактически разграничиваются только две формы — им.-вин. и зв. падежи. В качестве род. и дат. форм приводятся те же формы, что и для им.-вин. пад., но с предлогом *на*. Исключения составляют лишь существительные женского рода, для которых, кроме двух перечисленных, последовательно приводится форма вин. пад. с конечным *-ж*. Такое противопоставление носит, разумеется, лишь формальный, орфографический характер и, видимо, не отражает реального произносительного различия в языке автора. Высказывалось также предположение, что Богоров «объединил в одной парадигме формы из различных говоров,

³⁶ До издания в 1843 г. А. Х. Востоковым «Остромирова Евангелия» среди болгар было широко распространено отождествление церковнославянского языка с древнеболгарским (Русинов 1999: 122).

основываясь (при этом) на исторической традиции»³⁷ (Русинов 1999: 141). Но, как мы знаем из истории формирования современного болгарского имени существительного ж. р., именно форма вин. пад. ед. числа послужила базой для формирования общей формы, что подтверждается в том числе особенностями произношения слов (в ряде говоров, а отчасти и в современной норме) с конечным ударным гласным, типа *жена* [женъ], а также *жената* [женътъ];

2) у имен существительных м. р., обозначающих имена людей, представлена большая сохранность падежной системы: кроме звательных форм, не являющихся собственно падежными, сохраняются формы вин. пад., а также (ограниченно) формы дат. п., которые, однако, могут быть заменены предложно-именными сочетаниями, ср. *Маркъ, на Марка, Марку (на Марка), Марка, о Марко*;

3) для существительных, обозначающих деятелей м. р., также в парадигмах Богорова разграничиваются формы им. пад. и вин. пад. В качестве формы вин. пад. используется старая форма род. пад., при этом в позиции бывшего род. пад. приводится лишь предложно-падежное сочетание. В этом, несомненно, можно усматривать сохранение (или внесение в норму литературного языка) противопоставления одушевленных и неодушевленных существительных, ср.: *сынъ, на сына, на сына (сынъ), сына, о сыне — сынко или зеть, на зета, на зета, зета, о зетьо*.

Приведенные на указанных страницах парадигмы дают также важную информацию об образовании форм мн. ч. Богоров выделяет несколько типов «склонения» слов м. р., не указывая на основания такого выделения. В предложенной в издании таблице представлены все современные типы (односложные / многосложные) и варианты (твердый / мягкий) образования форм мн. ч. (с окончаниями *-и, -ове, -е, -вци*), а также чередования в основах (*з/з, к/и, х/с*; беглый *е*). И хотя в расположении примеров есть некоторая хаотичность и непоследовательность, например слова с чередованием конечных гласных расположены в разных местах описания, так же как и твердые и мягкие разновидности односложных

³⁷ вероятно тук Богоров е обединил в една парадигма форми от различни говори, като се е основал и на историческата традиция.

существительных, созданное Богоровым описание является полным и репрезентативным. Кроме склонения конкретного слова, автор также предлагает небольшие списки примеров такого же типа словоизменения. Именно благодаря данным спискам можно выявить некоторые особенности распределения окончаний множественного числа по Богорову. Приведем некоторые примеры: окончание *-е*, свойственное в современном болгарском языке лишь незначительному числу односложных существительных, таких как *цар*, *крал*, *кон*, *зет* и др. в грамматике Богорова распространяется также на производные существительные с суффиксами *-арь* и *-тель*, а также некоторые другие (*свинарь* 'свиных', *воденичарь* 'мельник', *овчарь* 'пастух', *приетель* 'приятель' и др.), в чем отражается диалектная особенность использования этого окончания для всех многосложных существительных м. р. во многих восточных говорах, в конечном итоге не вошедшая в нормы болгарского литературного языка. Есть некоторые частные отличия от позднейших норм образования форм: *пжтьове* (вм. совр. *пътища*) 'дороги', *църьове* (вм. совр. *царе*) 'цари' и др.

Для слов ж. и ср. р. в грамматике Богорова также предлагается много типов словоизменения. Образование форм множественного числа этих слов у Богорова целиком и полностью отражает ситуацию, закрепленную нормой современного болгарского языка, включая формы мн. ч., которые с точки зрения синхронного состояния языка являются исключениями. Богоров приводит их после всех парадигм целым списком: *детето*, *дъца*, *ржката*, *ржцътъ* и др. Ценность для изучения рода в болгарском языке представляют также три списка, которые приводятся в конце главы — существительные, колеблющиеся по роду («*по два рода иматъ*»), существительные *singularia tantum* («*токо единственъ брой иматъ*») и *pluralia tantum* («*само множественъ брой иматъ*») (Богоров 1844: 30–31).

Новообразованием на фоне предшествующей традиции и свидетельством нормализации именного народно-разговорного языка является постпозитивный артикль (*прилогъ*), который впервые в болгарской грамматической традиции пишется слитно. Вероятно, не до конца осознавая сугубо грамматическую функцию артикля, Богоров выделяет его в отдельную часть речи, посвящает

ему отдельную главу, хотя при описании словоизменения имен прилагательных (*прилогъ*) называется свойством прилагательного, наряду с родом, числом, падежами и степенями сравнения. И если в ж. р., ср. р. и во мн. ч. форма артикля уже не отлична от позднейшей литературной (*та, то, тѣ*), то в м. р. Богоров предлагает членную морфему *ый/ій* (для всех падежей), которая интересна тем, что она (с синхронной точки зрения), в отличие от остальных родов, представляет собой старую полную форму прилагательного, в остальных же случаях к кратким прилагательным прибавляется тот же показатель, что и к существительным. И хотя в итоге нормой литературного языка закреплен иной вариант членной морфемы (*-ят*), он, в свою очередь, также присоединяется к остаткам полной формы (*добрият*). Противопоставление падежных форм прилагательных у Богорова в целом повторяет все особенности, что и у существительных. Видимо, следует отнести к разряду недоразумений описание среди прилагательных названий национальностей типа *Бжлгаринжтѣ, Бжлгарката, Бжлгарчето, Нѣмецжтѣ* и пр.

Для системы личных местоимений характерна четырехпадежная система и противопоставление полной и краткой формы в дат. пад. и вин. пад., но если для последних двух падежей действительно приведены различные формы (ср. *менѣ* и *мене*), то в качестве форм род. пад., как и в аналогичных случаях с прилагательными и существительными, приводится предложно-падежная конструкция (ср. *на мене*). В качестве личного местоимения третьего лица Богоров предлагает оба основных варианта, свойственных народным болгарским говорам: *той-тѣ, таа-та, това-то, тѣи-тѣ* (м. р. мн. ч.) и *тиа-тѣ* (ж. р. и ср. р. мн. ч.), и *онѣ, она, оно, они* (м. р. и ср. р. мн. ч.), *оны* (ж. р. мн. ч.) и отдельно полные формы *оний, онаа, онова, онѣа, оныа, онѣа*. Примечательно, что в парадигме первого местоимения 3-го лица в род. пад. и вин. пад. приводятся фактически только предложно-падежные формы (например, *на той-тѣ*), тогда как в парадигме второго местоимения различаются как минимум три падежные формы (*онѣ — нему, му — него, го*) и лишь форма для род. пад. подменена сочетанием *на него*. Это может свидетельствовать о фактическом отсутствии склонения местоимения *той, тѣ* (как известно, норма современного

болгарского литературного языка объединяет в одной парадигме местоимение *той* для им. пад. и формы местоимения *онъ* в вин. пад. и дат. п.).

Описание глагола с точки зрения словоизменения занимает значительную часть грамматики (Богоров 1844: 63–87). Богоров делит глаголы на 4 словоизменительных класса (спряжения), два из которых совпадают с современными болгарскими 1 и 2 спряжением, а два последних фактически являются твердой и мягкой разновидностями 3 новоболгарского *a*-спряжения. Что примечательно, при составлении парадигм спряжения, автор грамматики не повторяет полностью терминологию и набор форм, заявленных в начале главы, глагольные формы (времена) разрастаются на глазах, наводя некоторый сумбур в головах читателей. Рассмотрим эту ситуацию на примере первого глагола (1 спряжения) — *биѣж*. Кроме упомянутых ранее пяти глагольных времен, в его парадигме возникают некоторые новые, например *откользаминѣло* (судя по парадигме спряжения плюсквамперфект от глагола несовершенного вида), далее предлагается две парадигмы, обе по форме аористные, но от глаголов несовершенного и совершенного вида. Далее следует третья парадигма с таким же названием (*неотредено третьо*), а по сути перфект от глагола совершенного вида *набилъ сѣмъ* и пр., а также четвертая, снова названная термином «неотредено» *набилъ бѣхъ*. Имея дело с несформировавшейся традицией описания системы глагольных форм, трудно судить, что имел в виду автор: то ли таким образом он пытался сформулировать различия по виду, то ли это имело отношение к особым несвидетельским формам болгарского народного языка, которые, имея непременно в своем составе *л*-причастие в каком-либо виде, тем не менее составляют целую систему, параллельную формам свидетельским. Будущих в парадигме спряжения тоже не одно, а четыре, но их различия связаны либо с видом основного глагола, либо с тем, используется ли глагол в спрягаемой форме или выступает в форме сокращенного инфинитива (в этом отражены диалектные различия в образовании форм будущего времени), ср. *ѣж биѣж*, *ѣж набиѣж*, *би ѣж*, *наби ѣж* (все формы 1-го лица ед. ч.). Вспомогательный глагол *ѣж* спрягается во всех четырех представленных у Богорова вариантах.

4. Заключение

1. Рассмотрение глагольных (и не только) парадигм можно было бы продолжать, однако уже этого обзора достаточно для того, чтобы сделать выводы о том, что описание словоизменения, созданного для практического применения в народной школе, несмотря на все недочеты и некоторую непоследовательность, следует признать весьма удачным, а для своего времени еще и новаторским. В целом при чтении «Первой болгарской грамматики» И. Богорова вырисовывается образ образованного, филологически подготовленного, полного идеалов и идей о создании новоболгарского литературного языка, его норм, лексического запаса и научной терминологии, применимой для его описания, человека.

2. Важным выводом предпринятого исследования является также отмеченное влияние на И. Богорова «Русской грамматики» А. Х. Востокова. Данная книга использовалась в русских гимназиях, в одной из которых в начале 40-х гг. обучался (очень вероятно, именно этой грамматике) Иван Богоров. Нам удалось выявить влияние Востокова как в самой системе описания языковых явлений, так и в терминологической системе, применяемой Богоровым. Написанная И. Богоровым грамматика способствовала распространению образования на родном языке в противовес широко применяемой в первой половине XIX в. практике преподавания греческого языка и греческой учености в Болгарии. В этом Богоров опять подобен Востокову, грамматика которого ориентировалась на живой язык (в отличие, например, от грамматики Н. И. Греча). «Первая болгарская грамматика» применялась для обучения болгар в широко распространяющихся светских школах. Именно в противовес греческим светским школам и системе воспитания формировали первоначально свои взгляды на болгарский язык представители новой болгарской интеллигенции. Среди авторов болгарских грамматик не было единогласия; на их взгляды в большей или меньшей степени оказывал влияние авторитетный в культурном отношении церковнославянский язык, как и грамматики церковнославянского и русского языков. В качестве примера реакции на издание Богорова можно привести опубликование книги «Грамматика словеноболгарска» Христати Павловича, второе

издание которой появилось через год после «Первой болгарской грамматики» Богорова. Если в первом издании своей грамматики (1836). Х. Павлович выстраивает грамматическую модель на основе живых югозападных говоров болгарского языка, то во втором издании (1845) под влиянием взглядов русского ученого Ю. Венелина, он отказывается от артикля, увеличивает число падежей, приближая тем самым свой литературный язык к русскому и сербскому, как он пишет во введении (Русинов 1999: 112–113). Однако благодаря практической деятельности И. Богорова, а также В. Априлова, Н. Герова и др. к последней трети XIX в. новоболгарское направление устанавливается окончательно, а все дальнейшие дискуссии переходят на уровень частных по большей части орфографического характера. К сожалению, значительная часть лингвистической терминологии, введенной Богоровым, не была использована дальнейшими грамматистами; несмотря на это, лингвистические поиски автора в этой области весьма ценны для истории науки.

Литература

- Андрейчин 1968 — *Андрейчин Л.* Един важен момент в развитието на съвременния български книжовен език // Известина на Института за български език. 1968. 16. С. 517–520.
- Белов 2011 — *Белов А. М. А. Х.* Востоков и зарождение сравнительно-исторического языкознания (к 230-летию со дня рождения ученого) // Русский язык в школе. 2011. № 3. С. 78–85.
- Богоров 1844 — *Богоров И.* Първичка българска граматика. Букурещ: Въ Типографіѣтѣ на Серд. К. Пенковичъ, 1844.
- Богоров 1848 — *Богоров И.* Първичка българска словница. Стамболъ: Въ Тискарницѣтѣ на Таддеа Дивичанъ, 1848. (Фототип. изд.: *Богоров И.* Първичка българска словница. София: Наука и изкуство, 1986.)
- Венедиктов 1990 — *Венедиктов Г. К.* Болгарский литературный язык эпохи Возрождения: Проблемы нормализации и выбора диалектной основы. М.: Наука, 1990.
- Венедиктов 1992 — *Венедиктов Г. К.* Современный болгарский литературный язык на стадии формирования: проблемы нормализа-

- ции и выбора диалектной основы. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1992.
- Востоков 1831 — *Востоков А. Х.* Русская грамматика. СПб.: в Типографии И. Глазунова, 1831.
- Вълчев 2008 — *Вълчев Б.* Възрожденските граматика на българския език. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008.
- Вълчев 2014 — *Вълчев Б.* Коя в действителност е първата новобългарска граматика? // *Език и литература*. 2014. 1–2. С. 7–23.
- Грамматика на съвременния български книжовен език 1983 — Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. II: Морфология. София: Издателство на БАН, 1983.
- Енциклопедия България 1978 — *Енциклопедия България*. Т. 1: А — В. София: Издателство на БАН «Марин Дринов», 1978.
- Жерев и др. — *Жерев Ст., Станков В., Цойнска Р.* История на българския книжовен език. София: Народна просвета, 1989.
- Карелкин 1855 — *Карелкин Н. П.* Востоков, его ученая и научная деятельность // *Карелкин Н. П.* Александр Христофорович Востоков, его ученая и литературная деятельность // *Отечественные записки*. 1855. Т. 98. № 1. Отд. 2. С. 41–70.
- Русинов 1999 — *Русинов Р.* История на новобългарския книжовен език. Велико Търново: Абгар, 1999.
- Стойков 1979 — *Стойков Ст.* Иван Богоров и чуждите думи в българския книжовен език // *Помогало по история на българския книжовен език (възрожденски период)* / Сост. В. Попова. София: Наука и изкуство, 1979.

Мария Н. Белова: blinovam@mail.ru